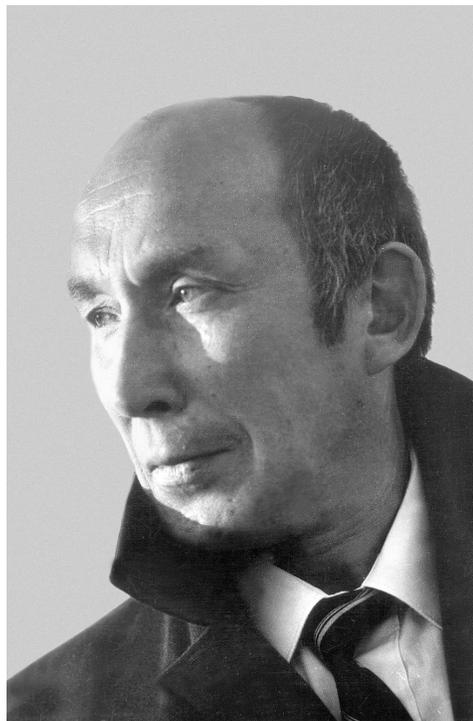

Равилю
Файзуллину – 70

Рафизь Мустафин (1931 – 2011)

«Я ведь на Земле совсем недавно...»

67

Он пришёл в поэзию рано.

Стихи двадцатидвухлетнего поэта оказались в центре общественного внимания. О них спорили и в местной, и в центральной печати. Больше ругали, чем хвалили. Густо летели критические камни, которые впоследствии легли в фундамент его поэтической известности...

Как и подавляющее большинство молодых, поэт не приемлет готовые прописи, что называется, с порога отметаёт «позорное благоразумие»:

Сколько слышал раз,
какой я странный:
надо, мол, как люди, жить –
умнее.

Я ведь на Земле
совсем недавно,
научиться этому успею.

(Перевод М. Аввакумовой)

Ощущать каждый мускул напряжённого тела, чувствовать «ключевую свежесть в груди», дерзать и про-

бовать, «как яблоки, срывать пределы» – вот излюбленные мотивы поэта.

Упоминание о «пределах» далеко не случайно. Молодой поэт одержим стремлением к беспредельности. Все рамки и «пределы» ему тесны и заведомо претят по самой своей сущности.

Эта война с «пределами» началась с самых первых шагов Р. Файзуллина в литературе. Уже своими первыми сборниками «Зарница», «Монологи и диалоги», «Мрамор» он бросил вызов – не традициям классической поэзии, в чём его обвиняли, а приземлённости и серости стиха.

Поразительно, что уже с первых публикаций Р. Файзуллин выступил не как начинающий, а как зрелый поэт, со своим стилем, собственным рисунком стиха, своей поэтической интонацией – энергичной, напористой, волевой. Стиль его был принят далеко не всеми и не сразу. Но всё же со временем он пробил брешь в критическом сознании и – пусть не сразу, с трудом – пробивает дорогу и к читательскому восприятию.

Нечастое явление: уже самые первые стихи Р. Файзуллина свободны от шаблонов поэтического восприятия. Опираясь на традиции своих предшественников (Тукая, Такташа, Туфана), он подчинял их своему поэтическому темпераменту, приспособлял к особенностям своего образного мышления и манере речи. Так всадник поводьями и шпорами подчиняет себе строптивого скакуна...

Поэт добивается лаконичности речи, безжалостно отбрасывает всякое «разжёвывание», спрессовывая мысль и образ порою до двух-трёх строк. Р. Файзуллин предпочитает недоговаривать, оставляя возможность что-то домыслить самому читателю. В его стихах далеко не всё лежит на поверхности, а под верхним слоем ощущается второй и третий план. Его кредо – не убаюкивать читателя готовыми ответами, а возбуждать в нём жажду познания мира.

Правда, это стремление к сжатости и ёмкости мысли порою доходит до предела. Р. Файзуллин написал целую

книгу «коротких стихов», состоящих из двух-трёх, редко четырёх-пяти строк. Хотя в книге попадаются и бесспорные удачи, в целом она воспринимается как тетрадь поэтических заготовок, намёков на образы и мысли, лишь зёрен, из которых ещё предстоит вырастить цветущие растения поэзии.

Безусловно, одно лишь экспериментаторство в области формы ещё не привлекло бы к поэзии Р. Файзуллина широкого внимания общественности, симпатии молодёжи. Р. Файзуллин – выразитель дум и чаяний нового послевоенного поколения, поэт, обладающий острым чувством современности. Этого качества, пожалуй, не добьёшься искусственно. С ним надо родиться – родиться как поэт, разумеется. Появившийся на свет в грозном 1943 году, Р. Файзуллин пишет не только от своего имени, но и от лица всего поколения:

**Я родился в день бомб,
в месяц пуль и огня,
в год, когда не рожали пустые поля
и нуждалась в гробах –
не в пелёнках – земля.
Я учился:
добру – у заплаканных вдов,
у голодных –
последнюю корку делить,
у незрячих – глядеть,
у безногих – ходить!**

(Перевод В. Кузнецова)

Поэт жаждет нащупать черты своего поколения, а следовательно, и своей эпохи, ищет ответа на вопрос, который вновь и вновь встаёт перед каждым новым поколением: кто мы и что мы?

**Так где же мы? В анкетах?
В анонимках?
В отметках в табеле?
В квитанциях за свет?
В повестках в суд?
В медалях? В фотоснимках?
В архивах загов?
В наших «да и нет»?
А может быть,
мы растворились в строках
стихов, дипломов,
книжек трудовых**

**и попросту сберкнижек?
И правы
те, кто по ним судить нас
будет строго?**

(Перевод В. Ченцова)

Как известно, без обострённого чувства современности не может быть и настоящей поэзии. Но Р. Файзуллин выделяется среди поэтов своего поколения тем, что он стремится передать прежде всего интеллектуальный мир своих сверстников, напряжённость их раздумий, страстность в поисках истины.

Стихи – всегда остановленные мгновения. Мгновения счастья, грусти, полёта души, наивысшего напряжения всех чувств: радости, боли, отчаяния. Всё это есть и в поэзии Р. Файзуллина. Но преобладающим у него является момент раздумья. Не холодного умствования, не рассудочного философствования, а сам миг зарождения мысли, ещё тёплой, живой, не оторванной от «вещной», земной оболочки.

Вот, скажем, небольшое стихотворение об арбузе, который выпал из рук и разбился на красные корки – «осколки лета брызнули по камням». Каждый реагирует на это событие по-своему. Сбежались мальчишки – пожалели арбуз. Слетелись голуби – принялись клевать семечки. Подошёл дворник – «обругал разиню и сердитую поднял метлу». А автор-рассказчик думает о хрупкости и уязвимости земного шара в век водородных бомб: «...Я землю вижу большим и красивым арбузом. И если однажды выронить её из рук, – никто не сбежится смотреть на осколки жизни, ни дети, ни голуби...»

На примере этого стихотворения яснее видится ещё одна особенность поэтического стиля Р. Файзуллина. При всей метафорической насыщенности поэтического языка он избегает элементарных сравнений типа «как», «словно», «как будто». Обычно каждое его стихотворение – это одна развёрнутая метафора. И она не просто одушевляет предметы, а в самой себе несёт мысль и чувство.

Метафоры Р. Файзуллина всегда свежи, неожиданны и индивидуально окрашены. Заостряя таким образом свою мысль, поэт говорит с читателями о многом. О сердце, переполненном болями и тревогами века. О великих предшественниках, дающих поэту уроки мужества о любви к своему народу. Об искусстве и его роли в жизни. При этом поэт не отрывается от вещной конкретности окружающего мира, составляющей не просто опору, а живую плоть его размышлений.

Иной раз поэт не чурается и откровенной публицистичности, прямого разговора с читателем, позы оратора и трибуна (поэмы «Борцы», «Гимн простым» и др.). Но, на мой взгляд, не правы те, кто видит гражданственность Р. Файзуллина только в таких открыто «лозунговых» стихах. Его позиция поэта и гражданина проявляется даже в самых интимных стихах о любви и ревности, разлуках и свиданиях.

Лирическому герою Р. Файзуллина не чужды колебания и сомнения, но совершенно не свойственны вялость, апатия, расслабленность, сентиментальность. В его стихах преобладает суровое волевое начало, а нежность, если и проявляется, то скупое и сдержанное (не случайно один из сборников поэта называется «Суровая нежность»).

Признаюсь, далеко не все в облике этого героя мне импонирует. Я, например, не принимаю излишний, порою, самодовлеющий интерес к собственной личности, постоянную готовность что-то кому-то доказать, отстаивать своё достоинство и честь от чьих-то, скорее всего, воображаемых посягательств. Не по нутру мне и его энергичная и напористая уверенность в себе, смахивающая временами на самоуверенность.

Но как бы то ни было, перед вами личность. Чётко очерченная, ярко выраженная поэтическая личность. Вовсе необязательно принимать лирического героя Р. Файзуллина целиком. Уже фактом своего существования этот герой сделался явлением поэзии – настоящей большой поэзии.